
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

© Ю.В. ВАРФОЛОМЕЕВ

ybartho@mail.ru

УДК 9(47).084.1+343.828(47)

**РАЗРАБОТКА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОПЫТА МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВА В РОССИИ)**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается деятельность сотрудников Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, связанная с толкованием норм российского права и решением спорных юридических вопросов, как опыт совершенствования уголовно-правовых норм отечественного законодательства.

SUMMARY. The article describes the activities of the staff of the Extraordinary Investigation Commission related to the interpretation of the norms of Russian law and the decision of controversial legal issues, as the experience of improving the criminal law of Russian legislation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Чрезвычайная следственная комиссия, спорные юридические вопросы.

KEY WORDS. Extraordinary Investigation Commission, controversial legal issues.

Современный этап развития Российской Федерации характеризуется прежде всего процессом переосмысления целого спектра проблем отечественной юриспруденции. В аналогичной ситуации поиска путей своего дальнейшего развития Россия оказалась и в 1917 г. С этой точки зрения представляется весьма важным изучение политико-правовых новаций, а также опыта конструирования и деятельности учреждений Временного правительства и, в частности, Чрезвычайной следственной комиссии (Далее — ЧСК) для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств [1].

В последнее время наметился определенный интерес ученых-юристов, касающийся в той или иной мере сюжетов, связанных с функционированием ЧСК. Авторы, как правило, отмечают преемственность в практике создания чрезвычайных комиссий для особых случаев между царским и Временным

правительством [2]. Подобные комиссии, по мнению исследователей, создавались с целью «успокоить и обмануть общественное мнение видимостью тщательного расследования действий сановных преступников, с тем, чтобы полностью освободить их затем от наказания». Исследователи в основном акцентируют внимание на том, что ЧСК действовала чисто бюрократически, негласно, без какого-либо контроля со стороны демократической общественности, и с этой точки зрения ни комиссия, ни Временное правительство не имели какого-либо плана проведения судебных процессов, и не желали довести до них дело [3; 313]. Такими концептуальными подходами к рассмотрению деятельности ЧСК авторы, вероятно, хотят подчеркнуть всю противоречивость ее существования. Между тем подобная оценка деятельности ЧСК, по нашему мнению, должна лишь стимулировать исследователей к всестороннему изучению деятельности Комиссии, но никак не может считаться окончательной, так как носит явную печать и ограниченность методологических установок прошлого. Таким образом, разработка исследуемой темы по-прежнему находится лишь в начальной стадии.

Принципы, на которые опиралась ЧСК в своей работе, были выражены ее председателем Н.К. Муравьевым в речи на Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Он, в частности, подчеркнул: «Оказалось совершенно возможным целиком встать на точку зрения того закона, который существовал в последние дни и месяцы старого режима. Можно сказать: “те законы, которые вы написали, вы же, в лице высших и центральных ваших представителей, их и нарушали”» [4]. Таким образом, в качестве основополагающего при проведении расследований было принято положение о том, что по отношению к подследственным должен применяться закон, действовавший на момент совершения преступления, и что закон, отягощающий судьбу обвиняемого, не имеет обратной силы, т.е. ЧСК применила формально юридический подход к понятию «преступного». В этом вопросе комиссия сочла возможным стать на позиции законодательства Российской империи и расследовать только такие действия царских чиновников, которые были преступны в момент «их учинения по царским уголовным законам».

Таким образом, позиция комиссии становилась неуязвимой именно с точки зрения признания адекватности и подсудности совершенных правонарушений действующему законодательству. Если бы демократическое правосудие оперировало не существовавшими при самодержавии законами, тогда апологеты царизма могли бы во всеуслышание обвинить Временное правительство, следственную комиссию, а затем и суд в том, что применяемые ими правовые акты — это законы новой власти, в то время как подсудимые жили и работали при другом законодательстве, а значит, и не должны подпадать под юрисдикцию вновь принятых законодательных актов. «С точки зрения комиссии, — отмечал Н.К. Муравьев, — <...> было в высшей степени важно этих лиц старого режима ударить их же собственным оружием, поставить их в такое положение, чтобы они не смогли сказать революционной демократии, что их судят за то, что не было запретным в их времена и что стало запретным только с того момента, как вы вышли на арену мировой истории» [4].

Конечно, в революционных кругах был велик соблазн изменить уголовно-правовое законодательство в сторону его ужесточения применительно к бывшим

царским сановникам. Однако в Президиуме ЧСК возобладала точка зрения, основанная на том, что правовые нормы не должны зависеть от усмотрения высших должностных лиц государства, действующих в угоду политической конъюнктуры того или иного исторического момента. «В основу обвинения комиссия полагала наказуемость деяний с точки зрения старого закона, — указывал Н.К. Муравьев, — считая принципиально недопустимым преследование за проступки, которые не были в свое время запрещены законом» [4].

На одном из первых заседаний ЧСК 19 марта 1917 г. член Президиума Комиссии Н.Д. Соколов заявил, что ЧСК не должна руководствоваться в следственной работе лишь формально-юридической стороной дела, а призвана «выяснить и более общий вопрос об уголовной ответственности высших должностных лиц в том случае, когда они, действуя исключительно в целях охраны существующего режима, отстаивая его по велению монарха или же по личному побуждению, заведомо нарушают при этом интересы государства, и, стремясь спасти форму, сознательно губят ее содержание». Позиция известного политического защитника вызвала активную полемику, отразившую прямо противоположные суждения по этому вопросу. В итоге, по предложению Н.К. Муравьева рассмотрение спорного вопроса о квалификации деяний царских министров как «бездействие власти» или как ее «превышение» было решено передать «на обсуждение юридической Консультации при Комиссии, с приглашением в нее, кроме криминалистов, также и специалистов по государственному праву» [5; 2].

В ходе рассмотрения этого вопроса на заседании Юридического совещания при ЧСК были высказаны две точки зрения. Профессор С.С. Абрамович-Барановский полагал, что «в действиях министра, исполнявшего веления монарха с целью ограждения существовавшего режима, едва ли можно обнаружить преступные деяния, ибо поддержание формы правления и ограждение интересов династии нашло свое выражение в законе, изданном в законном порядке, и почиталось столь существенным благом, что покушения на них карались суровыми наказаниями, и, таким образом, министр осуществлял не одни лишь веления монарха, но и интересы, поставленные под охрану закона вообще». В то же время С.С. Абрамович-Барановский предполагал, что если добросовестность министров исчезала, и что они преследовали личные интересы династии (имущественные, или какие-либо другие корыстные), то в данном случае может возникнуть вопрос и об уголовной наказуемости этих действий. Кроме того, он обратил внимание коллег на то, что «с установлением в 1906 г. процедуры контрассигнирования актов верховной власти министрами последние являются ответственными за содержание этих актов, и могли бы, в случае скрепления актов последней категории, отвечать за бездействие власти (а не превышение) выражается в том, что они, зная, что акты эти пойдут во вред государству, не исполнили лежащей на них по закону обязанности воспрепятствовать их появлению, а механически обратили к исполнению, вместо доклада монарху об их вреде и принятию затем соответствующих мер» [5; 18об].

Другую точку зрения высказал присяжный поверенный О.О. Грузенберг, указав прежде всего на то, что рассматриваемый вопрос усложняется тем, что в нем имеется указание на мотив деятельности министров. Между тем «подобное указание, — по его мнению, — лишено всякого значения для опре-

деления состава преступления в отличие от двух других случаев, особо в законе указанных в соответствии со ст. 1460 Уложения о Наказаниях. В этих условиях ссылка на обсуждение мотива не может иметь места. Точно так же и попытка исходить из понятия интересов государственных, нарушенных министром, — не выдерживает критики в виду субъективности суждения о государственном интересе и пользе». Основываясь на этом положении, он пришел к выводу, что на первый план следует ставить вопрос о том, имеется ли состав преступления в том или ином конкретном деянии. В этом случае, по мнению Грузенберга, следует различать два момента: нарушение конституционного права и нарушение общих норм уголовного закона. «В обоих случаях, — уточнял он, — следует иметь в виду, что высшие должностные лица империи вовсе не были обязаны осуществлять всякое веление Монарха, ибо на основании ст. 1 Основных законов Российское государство даже и до 1906 г. не было деспотией и, следовательно, совершенные ими на основании этих повелений преступные деяния влекут для них установленную законом ответственность» [5; 19].

Кроме того, была высказана мысль о том, что при оценке «противогосударственных» преступлений следует учитывать значение контрассигнирования актов бывшего монарха, что фактически устанавливало «действительную ответственность» скрепившего этот акт министра. В то же время Грузенберг, анализируя случаи исполнения незаконного предписания, не мог согласиться с Абрамовичем-Барановским по поводу наличия в них признаков бездействия власти, исходя из того, что «здесь имеется налицо не превышение, ибо в таких случаях не воздержание, а напротив того, полнота действий. Точно так же и в контрассигнировании незаконно изданных актов, или в их распубликовании Сенатом усматривается не бездействие, а, напротив того, превышение власти» [5; 19], — делал он вывод.

Комиссия собрала достаточно обстоятельный следственный материал, но остановилась перед вопросом, как быть дальше. «Предать обвиняемых суду? Но кто на это правомочен и на основании каких законов их судить? Судить за нарушение “их” же законов, которые нарушила и революция? Или судить на основании других норм “естественного”, “интуитивного” не получившего оформления в писаном законе?» [6; 293], — привел характерные для той ситуации размышления правоведов М.В. Вишняк. Тем временем «...совет рабочих и солдатских депутатов обращает внимание на деятельность этой комиссии, удивляясь, почему до сих пор ни один из арестованных сановников не предан суду» [7], — грозно недоумевала в середине сентября одна из столичных газет.

Действительно, ни одного судебного процесса, кроме дела генерала В.А. Сухомлинова, ЧСК так и не поставила, «...да и жалеть об этом не приходится: как ни доказывал в своей речи на съезде Советов председатель комиссии правильность юридического подхода, процессы, почти все сводившиеся к “превышению и бездействию” власти, были бы в революционное время просто смешны, — утверждал П.Е. Щеголев. — Общее содержание преступлений сановников первых трех классов — обман народа, и вдруг это огромное содержание оказалось бы замкнутым в формуле бездействия и превышения власти» [8; 20]. Солидаризуясь с ним, А.Я. Аврех видел причину всех бед комиссии в том,

что даже таких обвинительных актов очень часто нельзя было составить. «Встав на почву царских законов, — утверждал он, — ЧСК неизбежно попала в плен “техникам”, и характер ее деятельности закономерно стал определяться ими, а не Муравьевым и Соколовым» [9; 95]. «Техниками», или точнее следователями-техниками в комиссии называли ведущих специалистов из различных органов министерства юстиции — «профессиональных работников» [10; 15], — как справедливо заметил С.А. Коренев. Что же касается приставки «техник», то она должна была, судя по всему, указывать не только на высокую юридическую техничность этих следователей, но и на их абстрагированность от политической конъюнктуры: они — только «техники»-криминалисты и политикой не занимаются. Председатель комиссии Н.К. Муравьев характеризовал их как «...сведущих, сильных, знающих свою работу» [4].

Хотя влияние юристов-«техников» действительно было ощутимым, тем не менее, правильнее было бы полагать, что и Муравьев и весь Президиум ЧСК попали в «плен» не к ним, а добровольно и осознанно вошли в правовое поле действовавшего законодательства. Кроме того, как справедливо указывали члены Президиума ЧСК Б.Н. Смиттен и А.Ф. Романов, в этой ситуации «пришлось бы создавать судебные процессы столь большой сложности, что работа собирания по ним доказательств не могла бы не потребовать огромного напряжения судебно-следственных сил в течение долгого времени, — указывали авторы записки. — Однако же, при описанном характере и формальном значении большинства деяний указанной категории представлялось бы едва ли целесообразным и согласным с задачами уголовной политики ставить подобные процессы на суд, ибо помимо указанной их громоздкости, они не могли бы иметь единственной своей задачей подчеркнуть сравнительно незначительными уголовными репрессиями беззаконность не столько отдельных лиц, сколько самого режима, бесповоротно осужденного уже ходом истории» [5; 83].

Таким образом, руководство и сотрудники ЧСК вопреки давлению радикальных революционных сил старались исключить влияние политической конъюнктуры на ход и результаты проводимого ими расследования, и стремились руководствоваться принципами законности и объективности, которые не позволяли предъявлять политических обвинений подсудимым, если таковые не были предусмотрены статьями действовавшего уголовного законодательства России. Сотрудники комиссии квалифицированно рассматривали многочисленные вопросы, связанные с толкованием и разработкой норм российского права, которые были вызваны острыми противоречиями между реалиями нового государственного строя и действующим законодательством Российской империи. Думается, что правовой опыт ЧСК может быть эффективно использован в решении спорных юридических вопросов и модернизации права в настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вестник Временного правительства. 1917. 12/25 марта. № 7.
2. Архипов С.В. Министерство юстиции России: основные направления деятельности в межреволюционный период 1917 года (историко-правовое исследование). Дисс. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2001. 256 с.; Амплеева Т.Ю. История российского уголовного судопроизводства: сб. лекций. М.: изд-во Юридического института МИИТа, 2004. 96 с.

3. Развитие русского права во второй половине XIX-начале XX века. М.: Наука, 1997. 368 с.

4. Муравьев Н.К. О работе Чрезвычайной следственной комиссии. Доклад на Первом Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Оп. 1. Д. 2.

6. Дань прошлому. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. 409 с.

7. Новая жизнь. 1917. 12 сентября.

8. Падение царского режима. В 7 тт. М.-Л.: Государственное издательство, 1924. Т. 1.

9. Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. Т. 118. М., 1990.

10. Коренев С.А. Чрезвычайная Комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции. В 22 т. Т. 7. М.: Терра, 1991.